

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Борисов Е.А., преподаватель, e-mail: borisov@bsuir.by

2022

Ключевые слова: политическая культура, политические ориентации, социальные трансформации, посткоммунистическое общество.

Аннотация: Статья посвящена теории политической культуры, ее современному состоянию и классификациям, а также политологическим и социологическим концепциям, которые описывают изменения политической культуры в трансформирующемся посткоммунистическом обществе.

Во время социальных трансформаций происходит сдвиг устойчивых характеристик политической культуры общества. Это становится, в свою очередь, одним из факторов политических, социально-экономических и духовных изменений. Понимание механизма влияния политической культуры позволяет более эффективно прогнозировать направленность и результаты трансформационных процессов. Политическая культура выступает своеобразным «мостиком» между микроуровнем (поведение отдельных индивидов) и макропроцессами в обществе.

В данной работе будут рассмотрены классические и современные представления о структуре и типологии политической культуры, а также ряд теоретических подходов к осмыслению трансформаций посткоммунистических стран, включая трансформацию политической культуры и ее обратное влияние на трансформацию общества.

Научная концепция политической культуры стала ответом на проблему взаимосвязи между формальным политическим устройством и фактическим политическим поведением граждан. Попытка реализовать идеологические концепции либеральной демократии и рыночные модели экономики во

многих развивающихся странах во второй половине XX в. в основном завершилась неудачей. Опробованные и хорошо зарекомендовавшие себя странах Запада модели, нормы, институты или не работали, или наполнялись иным содержанием. Американские ученые Г. Алмонд и С. Верба в своем классическом труде «Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах» (1963) [16] пришли к выводу, что политическая система для успешного функционирования должна соответствовать политическим ориентациям граждан данного общества. «Когда мы говорим о политической культуре общества, то подразумеваем политическую систему, как она интернализуется в когнитивных способностях, познаниях, ощущениях и оценках тех, кто его составляет» [1, с. 29]. Иначе говоря, они определили **политическую культуру** как совокупность политических ориентаций личности (когнитивных, аффективных, ценностных).

В настоящее время существует множество определений политической культуры. Английский политолог Д. Каванах систематизировал теоретические представления о политической культуре и представил их в виде четырех групп [5, с. 5]. К первой группе он отнес **психологические интерпретации** политической культуры, характеризующие ее как совокупность внутренних ориентаций человека на политические объекты и ограничивающие ее сферой политического сознания и политической психологии (Г. Алмонд, С. Верба). Вторую группу составили **объективистские подходы**, раскрывающие содержание политической культуры через нормативные требования, санкционированные образцы поведения граждан и групп (Т. Парсонс, Д. Истон). В третью группу были включены интерпретации политической культуры, включавшие в себя **психологические установки и соответствующие им формы поведения**. Четвертая группа – представления, трактующие политическую культуру как гипотетическую **нормативную модель желательного поведения и мышления**, как качественный уровень состояния политической системы и

субъектов политики. Все эти подходы не противоречат друг другу, а скорее дополняют представления о политической культуре.

Политическая культура не замыкается в рамках политического сознания, а реализуется через поведение политических субъектов, деятельность политических институтов. При этом она включает в себя не всякое политическое сознание и поведение, а только усвоенные представления, которые типичны для данных социальных субъектов. Она как бы образует матрицу политического процесса, «отливающую» сознание и поведение его субъектов в устойчивые, воспроизводимые на протяжении определенного исторического периода формы. В то же время политическая культура представляет собой **динамическое**, постоянно обновляющееся явление. Она складывается, с одной стороны, из укоренившихся представлений, передаваемых из поколения в поколение, с другой стороны, из новых представлений, возникающих в процессе трансформации политической жизни общества.

В качестве некоего интегрального определения можно предложить следующее: **политическая культура** – *это исторически сложившиеся, относительно устойчивые политические представления, убеждения, ориентации, а также обусловленные ими модели и нормы политического поведения, проявляющиеся в действиях субъектов политических отношений.*

Политическая культура – явление полиструктурное, многоуровневое. Разнообразные подходы к структурированию политической культуры отражают ее связи с социальными, политическими и культурными процессами в обществе, этапы становления конкретной политической культуры. Психологическое направление в изучении структуры политической культуры личности (Г. Алмонд, С. Верба и др.) использует понятие «**политические ориентации**». Оно означает ценностную и мотивационно детерминированную систему представлений личности о целях и средствах политической деятельности, определяющих направленность поведения. Источниками ориентаций являются собственные мотивы и

эмпирические знания людей, а также усвоенные ими идейно-политические концепции. С помощью понятия «политические ориентации» можно отразить весь диапазон форм политического выбора – от аффективных ориентаций до идентифицирующих, предполагающих сознательное отождествление себя с реально существующей или воображаемой идейно-политической системой.

В содержательном плане принято выделять следующие типы ориентаций: 1) **когнитивные** (знания о политике, информированность о текущем политическом процессе, политическое мышление); 2) **аффективные** (эмоции, чувства, настроения относительно политических явлений, процессов, институтов); 3) **аксиологические** (ценностное отношение к политике и политическим явлениям через соотношения с системами ценностей личности, группы, общества); 4) **поведенческие** (мотивы, стимулы, установки на участие в политике).

Политическая культура формируется под воздействием различных факторов, что предполагает многообразие ее типов.

В типологии Г. Алмонда и С. Вербы основным признаком классификации политической культуры считаются поведенческие ориентации на участие в политическом процессе, что сопряжено со всеми остальными компонентами политической культуры. Они выделили три «чистых» типа политической культуры:

- **патриархальная** культура характерна для социальных общностей, политические интересы которых не выходят за рамки общины, места их постоянного проживания. Ее характерной чертой является отсутствие интереса к политике у рядовых граждан, отсутствие знаний о политической системе и полная отстраненность от политической жизни;

- **подданническая** культура характеризуется сильной ориентацией социальных субъектов на политическую систему и результаты деятельности властей, но слабым является их участие в политике. Носители подданнической культуры проявляют значительный интерес к политике, но пассивно ожидают от властей либо приказа, либо благ;

- **партиципаторная (активистская)** культура характеризуется политической активностью граждан, стремлением влиять на политику государства. Носители такой культуры заинтересованы не только в том, что им дает политическая система, но также в том, чтобы самим играть активную роль в функционировании ее институтов. Носители активистской культуры осознают необходимость своего участия в политической жизни.

На практике обозначенные типы политической культуры взаимодействуют между собой и образуют смешанные формы с преобладанием тех или иных компонентов. Наиболее интересна **гражданская культура**, в которой наряду с преобладанием элементов активистского типа сосуществуют элементы патриархальной и подданнической культур. Отсюда вытекают такие характеристики гражданской культуры, как баланс между политической активностью и пассивностью, вера граждан в законность функционирования политических институтов, наличие своей позиции и высокий уровень правосознания, ответственность за состояние дел в обществе. Подобный тип политической культуры наиболее адекватен демократическому устройству государства.

На основании сопоставления таких параметров политической культуры, как уровень политической эффективности электорального участия и степень доверия граждан общественным институтам, британские ученые С. Уайт и Я. Макаллистер предложили классификацию политических ориентаций граждан переходного общества [17, р. 29]. В отличие от модели Г. Алмонда и С. Вербы, она базируется на выделении не трех (прихожанин, подданный, участник), а четырех идеальных типов ориентаций, которые в большей степени подходят для классификации отношений граждан к участию в политическом процессе на постсоветском пространстве.

Первую ориентацию авторы назвали **гражданской**. Чтобы не путать ее с гражданской культурой, существующей в наиболее развитых демократических странах, можно назвать подобную ориентацию **квазигражданской**. Представители данной группы испытывают

значительное доверие к системе, к которой они принадлежат, и одновременно им присущи высокие показатели электоральной эффективности.

Вторая ориентация – **почтительные граждане** – включает в свой состав тех людей, которые доверяют институтам, но не имеют таких высоких показателей электоральной эффективности, как предыдущая группа.

Представители третьей ориентации – **недовольные** – не доверяют общественным институтам, но обладают уверенностью в том, что смогут изменить ситуацию с помощью активного участия в выборах. Эта группа представляет наиболее последовательных сторонников быстрой трансформации плюралистического общества.

Четвертая ориентация – **маргиналы** – объединяет граждан, не доверяющих существующим институтам, но настроенных весьма скептически относительно своих способностей оказывать влияние на ситуацию с помощью электорального механизма.

Группа квазиграждан является наиболее лояльной по отношению к власти, она выступает за сохранение действующей политической системы. Недовольные граждане представляют ту часть общества, которой свойственны сознательные протестные настроения. Эта группа наиболее динамична и ориентирована на трансформацию как политической, так и экономической системы. Социальная база данных типов политической культуры позволяет судить о перспективах трансформации того или иного общества.

Переходя к трансформационным процессам и оценке роли политической культуры в них, следует отметить, что нас прежде всего интересуют кардинальные изменения во всех сферах общественной жизни в посткоммунистических странах. Рассмотрим основные подходы к исследованию этих трансформаций.

Модернизационный подход акцентирует внимание на универсализме трансформаций. Модернизацию определяют как процесс создания современных (западных) институтов и отношений, ценностей и норм. Чтобы новые социальные институты заработали органично, необходимы изменения самой личности, превращение человека советского типа в тип человека современного.

Ни у одного из переживших модернизацию народов не произошла полная смена идентичности. Это ярко проявилось в ряде азиатских стран. Сначала Япония, а затем и молодые «тигры» продемонстрировали возможность модернизации не только без изменения идентичности, но и без ломки традиционного социального института общины. Так, в годы послевоенной модернизации под контролем американских военных японская община явилась действенным проводником демократизации в отсутствие институтов гражданского общества и «разумно эгоистичных индивидов». В противовес японскому опыту, в целом ряде развивающихся стран их лидеры пытались скопировать западную идентичность и внедрить демократические институты западного образца и потерпели на этом пути провал.

Таким образом, с одной стороны, копирование западных образцов не обязательно приводит к модернизации, а с другой – модернизация может происходить без либерализации общественной жизни. Этот парадокс ставит под сомнение базовый постулат теории модернизации о необходимом соответствии друг другу уровня технологического развития, типа социальной организации и типа сознания.

«Постконцепция» Р. Дарендорфа указывает на иррациональность тотального отвержения прошлого. «Пост-состояние» не должно отбрасывать всё прошлое только потому, что оно прошлое, неизбежно совмещение прежних и новых институциональных структур. Это ведет к созданию всевозможных гибридных структур, где старые формы используются в новом качестве. Некоторые авторы называют модернизацию на основе собственной традиционной идентичности постмодернизацией [12, с. 34].

Концепция **«переходного периода» («транзита»)** подчеркивает совмещение прежних и новых правил социального взаимодействия. Ее авторы разрабатывают модели перехода посткоммунистических обществ к «нормальной» демократии и рыночной экономике. Но главные особенности переходного состояния не в определенности желаемого образа будущего, а в том, что переходное состояние нестабильно, чревато неожиданными «бифуркациями» – состояниями, требующими принимать «судьбоносные решения». В переходном обществе сосуществуют прежние и новые правила социальных взаимодействий, нет определенности, какие именно легитимированы. Сегодня транзитологи убедились в многообразии трансформационных процессов, а само это направление практически иссякло.

Теория **«болезненности посткоммунистических трансформаций»** акцентирует внимание не столько на особенностях социальных структур обществ, переживающих резкие изменения, сколько на внутреннем психическом самочувствии граждан. Известный социолог П. Штомпка предложил для описания этого состояния метафору травмы. Неожиданные и радикальные социальные изменения травмируют общественный организм подобно телесной или психической травме. Социальная травма – это в первую очередь травма культурная, поскольку рушатся основания привычных символов и смыслов социальной реальности. Радикальные трансформации травматичны, потому что они внезапны, всеохватывающи, включают повседневную жизнь человека. Они обесценивают привычные правила социальных действий индивида, обесценивают его социальный капитал [15, с. 3–12].

«Деятельностно-активистская» концепция социальных изменений утверждает, что направленность социальных изменений преимущественно зависит от практических действий многообразных социальных субъектов, от богатых социальных капиталом до рядовых граждан. Социальная среда рассматривается как вибрирующее «поле» взаимодействий, а результаты

рационально осмысленных действий нередко оборачиваются прямо противоположными последствиями. Преимущество метафоры «поля» заключается в том, что позволяет безоценочно понимать и описывать происходящие процессы, т.е. вместо концепции прогресса как критерия оценки она утверждает принцип нормальности непредсказуемых социальных изменений. Деятельностно-активистский подход развила известная социолог Т.И. Заславская. Она предложила социальный механизм трансформаций, который включает три измерения: изменение социальных институтов, социальных структур и личностный фактор. Эта исследовательская модель была успешно использована для анализа трансформационных процессов в современной России [7]. Автор исходила из предпосылки, что трансформационные процессы не следует рассматривать в закрытом социальном пространстве, в котором теоретически заданы идеальные типы по ступеням социального прогресса: общества традиционные, современные и постсовременные. Необходимо анализировать реальные, часто противоречивые и возвратные изменения в открытом социальном пространстве, выделяя в нем три координаты-вектора: вектор институциональных преобразований, вектор социоструктурных изменений и вектор человеческого потенциала общества. Институциональные изменения – это изменения в «правилах игры», нормах экономических и социальных взаимодействий; социоструктурные изменения – это сдвиги в конфигурации социального расслоения; вектор человеческого потенциала состоит из социально-демографического, социально-экономического, социокультурного и инновационно-деятельностного потенциала.

Итак, можно сделать следующие выводы о процессе посткоммунистической трансформации. Во-первых, направление трансформаций определено только в общих чертах: рыночная экономика, демократия, правовое государство, развитие гражданских структур и т.д. Механизмы и способы осуществления реформ связаны как с социально-культурными традициями, так и с глобальными процессами в современной

мировой системе. Западный опыт должен быть не просто скопирован, но органично встроен в культуру конкретного общества. Во-вторых, в посткоммунистических трансформациях совмещаются прежние и новые культурные нормы и практики.

Процесс трансформации политической культуры также неоднозначен: в нем преобладает модернизация, но в ряде случаев имеют место тенденции традиционализации и архаизации. Модернизация предполагает замену партикуляризма универсализмом, возрастание значимости политического участия, рационализацию политического процесса, и т.д. Е.В. Притчина выделяет следующие механизмы модернизации политической культуры: 1) дифференциация основных духовно-интегрирующих систем – религии и политики, секуляризация политической культуры; 2) возникновение в трансформирующейся системе новых элементов, таких как национальное государство, политические партии, структуры гражданского общества; 3) заимствование и включение в систему политической культуры новых компонентов из других культур [11, с. 80].

Таким образом, политическая культура трансформирующегося общества отличается сложностью, фрагментацией, неустойчивостью. В ней с трудом складывается комплекс ориентаций, называемый «гражданской культурой», которая связывается с успехом демократических преобразований. Доминируют квазигражданские установки, соответствующие прежнему опыту. Информационные технологии и Интернет оказывают на процесс усвоения политической культуры противоречивое влияние. С одной стороны, доступность и разнообразие информации создают информационный плюрализм, что способствует свободному приобщению к политике и развитию критического мышления. С другой стороны, в плюралистической информационной среде возрастают возможности манипулирования сознанием людей, что затрудняет процесс становления гражданской культуры.

Литература

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль, 2014.
2. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. Политические исследования. 1992. № 4. – С. 122–134.
3. Алмонд Г., Пауэлл Дж.Б. Политическая культура и политическая социализация // Алмонд Г., Пауэлл Дж.Б., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М.: Аспект-Пресс, 2002. – С. 93–121.
4. Борисов Е.А. Политическая культура как фактор идеологического процесса в Республике Беларусь: учебно-методическое пособие. Минск: БГУИР, 2006.
5. Борисов Е.А. Политическая культура и политическое сознание // Политические институты и процессы в информационном обществе: учебное пособие под ред. И.В. Вашкевич. Минск: БГУИР, 2018. – С. 110–131.
6. Данилов А.Н. Ценностный мир современного человека. Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей». Минск: БГУ, 2019.
7. Заславская Т.И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004.
8. Инглхарт Р. Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под. ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. – С. 245–260.
9. Инглхарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под. ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. – С. 261–291.
10. Ровдо В.В. Политическая культура и социализация // Ровдо В.В. Сравнительная политология: Учебное пособие. В 3 ч. Ч. 1. Вильнюс: ЕГУ, 2007. – С. 88–121.
11. Притчина Е.В. Трансформация политической культуры: теоретическая модель // Известия Алтайского государственного университета. 2003. – С. 79–84.
12. Скок Н.В. Политическая культура: Теория и методология. Могилев: Бел.-рос. ун-т, 2009.
13. Социальные трансформации в России: теория, практика, сравнительный анализ / под ред. В.А. Ядова. М.: Флинта: МПСИ, 2005.
14. Тульчинский Г.Л. Политическая культура: учебное пособие для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2015.
15. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Социс. 2001. № 2. С. 3–12.

16. Almond G.A., Verba S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Newbury Park: Sage Publications, 1963.
17. White S., McAllister I. *Patterns of Political Culture // Postcommunist Belarus in Search of Direction*. Eds. S. White and E. Korosteleva. London: Rowman and Littlefield, 2004.